

А. М. Петров
Петрозаводск

**О некоторых видах функциональной синонимии
в языке «Калевалы»**

Под функциональной синонимией (функциональной эквивалентностью) понимается смысловое тождество лексем, актуальное только для данного текста [Евгеньева 1963: 257; Оссовецкий 1979: 237]¹. В лингвофольклористике при описании функциональных синонимов используется термин «гиперсема», введенный в научный обиход И. А. Оссовецким. Гиперсема — это *языковой* семантический инвариант, реализующийся в фольклорных текстах в виде индивидуальных, частных *речевых* манифестаций, ведущих к «приращению смысла» [Оссовецкий 1979: 229–235]. Отдельные лексемы, входящие в перечислительный ряд и эксплицирующие гиперсема, зачастую находятся по отношению друг к другу именно в контекстуально-синонимических отношениях. Функциональная синонимия признается одним из «индексов фольклорного стиля» [Оссовецкий 1979: 239], маркером его смысловой и грамматической обобщенности. На это яркое и своеобразное, с позиции нефольклорного сознания, явление отечественные фольклористы и лингвофольклористы обратили внимание уже давно [Потебня 1968: 418]. Ученым удалось выявить и систематизировать функциональные синонимы во многих жанрах русского фольклора, а после публикации полного перевода «Калевалы», выполненного Л. П. Бельским, появилась возможность исследовать прием функциональной синонимии и в языке этого поэтического произведения.

¹ Ю. С. Степанов, вслед за Э. Бенвенистом, в отношении слов, не являющихся синонимами в их словарном виде (т. е. при раздельном, словарном описании), но вступающих в синонимические отношения в составе устойчивых словосочетаний, речений, формул, употребляет термин «синтаксические синонимы» [Бенвенист 1995: 414]. Термины «синтаксическая синонимия» и «функциональная синонимия», таким образом, являются тождественными, равноправными, однако в настоящей работе мы отдаем предпочтение термину «функциональная синонимия» («контекстуальная синонимия») во избежание терминологической путаницы: в грамматической традиции синтаксическими синонимами обычно называют разные синтаксические модели предложения, имеющие общее значение, и разные типы синтаксической формы слова в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции [Винокур 1979: 284].

Первым на контекстуальные синонимы в ленинградской «Калевале» указал сам переводчик, описавший некоторые из них в предисловии к изданию 1888 г. [Калевала 1888: 5–13]. Наблюдения Л. П. Бельского были развиты и углублены А. А. Потемной, который, в отличие от переводчика «Калевалы», интерпретировал контекстуальные синонимы в фольклоре не просто как способ «разнообразить два рядом стоящие стиха», а как способ *обобщения и идеализации*, как средство «изображения... предмета необычайного, чудесного, прекрасного» [Потемня 1968: 418]². Функциональная синонимия в «Калевале» рассматривалась А. А. Потемной в одном типологическом ряду с аналогичными явлениями, обнаруженными в других фольклорных традициях, в том числе в русской.

Позднее многие издатели и комментаторы также неоднократно констатировали широкую распространенность функциональной синонимии в языке «Калевалы», пытаясь, помимо прочего, выявить историческую основу этого поэтического приема. Например, авторы вступительной статьи к русскому переводу «Калевалы» 1949 г. отыскивают исторические корни контекстуальной синонимии в особенностях первобытного мышления, способность которого к абстрактным логическим операциям развита недостаточно [Калевала 1949: 28]. Иногда к числу важнейших основ, на которых базируется функциональная синонимия, относят *аллитерацию* [Хурмеваара 1972: 13]. Однако аллитерация — это лишь одна из возможных *внешних форм* существования функциональных синонимов в тексте. Она важна для понимания и объяснения того, почему рунопевец выбрал именно это, а не другое слово; сам же *внутренний механизм* функциональной синонимии через указание на аллитерацию и ассонанс раскрыт быть не может.

На основании фактов, указанных исследователями, а также с учетом новых материалов, ставших доступными только в последнее время, становится возможным предложить более систематизированный список явлений, объединяемых в понятие «функциональная синонимия».

² Аналогичную функцию подобных глубоко архаичных структур, обнаруженных в древнерусской литературе, выделял Д. С. Лихачев. Синонимическое варьирование в соседних стихах тождественного смысла исследователь назвал стилистической симметрией. «Из всех функций синонимии, — писал Д. С. Лихачев, — стилистическая симметрия по преимуществу преследует цели ограничения и абстрагирования значения <...> «Три» и «четыре» потому соединяются в симметрии, что в них дана некая идея количества, а не само количество...» [Лихачев 1965: 421].

Сложнейшая же задача *исторического объяснения* этих явлений до сих пор остается актуальной и в рамках предлагаемой статьи хотя попутно и ставится, но не решается.

Итак, рассмотрим функциональные синонимы, извлеченные методом сплошной выборки из пятидесяти рун «Калевалы»³.

Важнейшее место среди них занимают *количественные обозначения*, варьируемые в смежных стихах, или в пределах одного стиха, или (в редчайших случаях) через один стих друг от друга. Числительные, вступающие в контекстуально-синонимические отношения, могут образовывать *четную, нечетную и четно-нечетную* пару. Ср.: «На войну не едет Ахти, // *Шесть* лет, *десять* лет не хочет // Серебра искать войною // Или к золоту стремиться» [XXX; 11–14]; «Ухожу я на *три* лета, // На *пять* лет страну оставлю» [XXIX; 11–12]; «Вот *четыре* девы вышли, // Вышли *пять* девиц из моря» [II; 59–60]. Очень часто в функционально-синонимические отношения вступают условные обозначения *сто* и *тысяча*, которые реализуют обобщенную идею (семантический инвариант) *большого количества* при эпической гиперболизации: «*Ста* словам я научился, // *Тысячу* узнал заклятий» [XVII; 617–618].

Контекстуально-синонимические числительные используются для характеристики самых разных фрагментов и пространственно-временных параметров мироздания. Квантифицируемые объекты можно распределить по следующим тематическим группам:

1) время, временные отрезки, интервалы и единицы: «*Шесть* ты лет по морю плавай, // На волнах *семь* лет качайся, – // *Восемь* лет метаться будешь // На пространстве вод широких, // По открытому теченью» [VI; 203–207]; «Покажи свою куницу, // Ту, что *пять* годов ты сватал, // *Восемь* лет смотрел с любовью!» [XXV; 228–230]; «На *шестую* ночь скончалась, // На *восьмую* умерла бы» [IV; 223–224].

2) герои, персонажи; мифические существа, имеющие антропоморфный облик: «*Я шестым* был из могучих, // *Богатырь седьмой* считался» [III; 225–226]; «*Айно* легким, тихим шагом // Хочет к ним идти

³ Мы используем классический перевод «Калевалы» Л. П. Бельского в качестве основного; материал для сопоставлений – новый перевод Э. С. Киуру и А. И. Мишина, а также опубликованные народные карело-финские эпические песни (по русским переводам). См.: [Калевала 1888; Калевала 1915; Калевала 1933; Калевала 1940; Калевала 1949; Калевала 1977; Калевала 1984; Калевала 1989; Калевала 2007; Леннрот 1998; КФНЭ 1994; Эпические песни 2006; Ладвозерские рунопевцы 2008].

четвертой, // Подойти к ним пятой веткой» [IV; 306–308]; «Девять сильных чародеев, // Восемь знахарей могучих» [IX; 459–460]; «У меня пять братьев дома, // Семь сынов родного дяди» [XI; 231–232]; «Проглотил я сто героев, // Я до тысячи пожрал их» [XVII; 151–152]; «Сто героев, всех с мечами, // Тысячу мужей железных» [XVII; 275–276]; «Насмеялся бы над сотней // И над тысячею женщин» [XXVIII; 121–122]; «Я пяти достойна женщин, // Всем шести равна невестам» [XLVII; 157–158].

3) животные: «Пять овец она остригла, // Шесть ягнят остригла лучших» [VII; 143–144].

4) птицы: «Шесть кукушек размещает, // Птичек семь голубоватых» [XVIII; 409–410]; «Шесть кукушек златоперых // На дуге кукуют звонко, // Семь прекрасных пташек синих // На гужах не умолкают» [XXI; 45–48].

5) растения и злаки: «Пчелка, быстрый человечек! // Принеси медку на крыльях, // Языком достань ты сладость // Из шести цветочных чашек, // Из семи верхушек травных» [IX; 224–228]; «Выйдет тысяча колосьев, // Сотня веток разрастется» [II; 313–314]; «Там шесть зернышек находит, // Семь семян он поднимает» [II; 241–242].

6) предметы самой широкой области применения из сферы быта, домашнего хозяйства и строительства, товарно-денежных отношений; предметы одежды; целебные мази и снадобья: «Великан топор свой точит, // Лезвие острит острее // На шести кусках кремневых, // На семи точильных камнях» [II; 161–164]; «Сошником он поднял крышку, // В сундучке нашел монеты; // Были собраны там сотни, // Тысячи под крышкой были» [XII; 93–96]; «За него заплатишь сотни, // Марок тысячи заплатишь» [XXV; 605–606]; «Сто сетей она на пряла, // Сеток тысячи связала» [XVI; 339–340]; «Ведь семь лодок крови вышло, // Восемь кадок глубочайших» [IX; 17–18]; «Сто рожков приносит в лапках, // Тысячу сосудов разных» [XV; 531–532]; «Пять жердей ее ломает, // Семь шестов ее высоких» [XXVI; 613–614]; «Там, где пять стропил огромных, // Там, где шесть крепчайших балок» [XLVI; 255–256]; «Сто столбов там возвышалось, // Больше тысячи стояло» [XXVII; 389–390]; «Будь с тобой хоть сотня лодок, // Хоть бы тысячу привел ты» [XXIX; 93–94]; «Где замков висело девять, // Десять где засовов было» [XLII; 99–100]; «Золотых шесть подпоясок, // Семь прекрасных синих платьев» [IV; 133–134]; «Через пять струится курток, // Шесть златистых подпоясок, // Через семь кафтанов синих, // Через восемь верхних платьев» [XLI;

207–210]; «*Девять мазей* приложила, // *Восемь* разных средств целебных» [XV; 467–468]; «*Девятью* из лучших мазей, // *Восемью* из средств волшебных» [XLV; 317–318].

7) меры длины и части целого: «*Выломай* в *пять сажен* ветку, // *Прут* возьми длиной в *семь сажен*» [XLVIII; 137–138]; «*На две доли* камень треснул, // *Развалился* на *три части*» [XLIX; 251–252]; «*В пять кусков* пластает мужа, // *На восемь частей* разрезал» [XIV; 449–450].

8) природные стихии: «*Правой ручкой* потянулась // *И сверкнула* левой ножкой // *На седьмой полоске* моря, // *На валу зыбей* девятом» [V; 93–96]; «*Через девять сводов* неба, // *Через шесть узорных крышек*» [XLVII; 109–110]; «*С высоты восьмого* неба, // *С крышки воздуха* девятой» [XLVIII; 237–238].

9) части света и направления: «*В шесть концов* разносит вести, // *В восемь* разных направлений» [XX; 607–608].

10) прочие объекты, упоминаемые в единичных случаях и не образующие целостную тематическую группу: «*На боку сто ран* имел он, // *Ветра тысячу ударов*» [VII; 121–122]; «*Принеси мне тройку* перьев, // *Принеси мне пару*, ворон» [XLI; 547–548]; «*И дала* волос девица, // *Подала* волос тончайших, // *Подала пять* шелковистых, // *Шесть* и *семь* ему достала» [XLIV; 225–228].

Синонимическое функционирование нетождественных числовых обозначений отмечено, как мы уже упоминали, в самых разных культурах; в основе же своей оно связано, вероятнее всего, со спецификой первобытного мышления, для которого, указывает французский этнограф и антрополог Л. Леви-Брюль, «числа разные являются тем не менее равными числами» [Леви-Брюль 1999: 174].

Следующая, и довольно многочисленная, группа функциональных синонимов — это *слова с предметным значением*, обычно передаваемые в русском переводе *именами существительными*. С их помощью номинируются персонажи мира образов «Калевалы», а также разного рода предметы, вещества и материалы:

1) зооморфные персонажи: «*Хийси лось* тогда помчался, // *Побежал олень* прекрасный» [XIII; 127–128]; «*Выскользает* из поляны, // *Словно белка* золотая, // *Златошерстая куница*» [XVII; 604–606]; «*Мне еще* есть порученье: *В Туонеле* добыть *медведя*, // *Волка* Маналы седого» [XIX; 114–116]; «*Шука* Туонелы всплывает, // *Из воды* ползет *собака*» [XIX; 223–224]; «*В море шукой* устремился, // *В глубину* *сигом* метнулся» [XLIX; 163–164].

2) орнитоморфные персонажи: «Отвечает так *синица*, // *Дрозд* на ветке так щебечет» [VIII; 69–70]; «Слышит *шершень*, Хийси *птичка*, // Услыхал он эти речи» [IX; 231–232]; «То летит *орел* с востока, // Прилетает с неба *ястреб*» [XIX; 359–360]; «*Снегирек* пропел на ветке, // Под стрехою *дрозд* чирикнул» [XX; 407–408]; «На хребте морском был *зяблик*, // На волнах там *трясогузка*» [XXX; 159–160].

3) фитоморфные персонажи и образы; ягоды, плоды: «И *сосна* ей так сказала, // *Дуб* ответил неохотно» [XV; 131–132]; «Там, под *елью* золотою, // Под мохнатую *сосною*» [XXI; 87–88]; «Оттого я, Кауко, еду, // Оттого, жених, скрываюсь, // Что меня желанье мучит // Снова родину увидеть, // У себя рвать *землянику*, // На своей горе *малину*» [XXIX; 369–374]; «На нарост *березы* села, // На изгиб *ольхи* зеленой» [XLI; 67–68].

4) вещества и материалы: «В *серебре* я не нуждаюсь, // Твое *золото* на что мне!» [III; 416–417]; «*Пиво* битвы буду пить я, // *Мед* отдаваю сраженья» [XII; 63–64].

Разделение на эти семантические группы является довольно строгим, хотя и не всегда последовательным: например, в структуре поликомпонентного зооморфного образа *олень-лося* могут имплицитно присутствовать и признаки персонажа орнитоморфного. В шестой руне повествуется о том, как Вяйнямейнен, отправившийся свататься в Похьелу, на спине этого животного преодолевает водную преграду («По хребту морскому едет, / По равнине вод открытых»). Однако копыта коня остаются сухими. Это значит, что *олень-лось* (а иногда также и *олень-лось-конь*) наделен признаками *птицы*. Иными словами, герой пересекает границу между своим и чужим мирами на крылатом коне⁴. Аналогичный образ зафиксирован в народных эпических песнях о сватовстве в стране Хийтола, куда герой отправляется на коне-лосе Хийси. Автор посвященной этому сюжету статьи – В. П. Миронова – отмечает, что нехарактерный для карельской фольклорной традиции образ *коня* появляется в народной эпической поэзии лишь в недавнее время (он выявлен в поздних записях), возможно, под влиянием традиции русской [Миронова 2008: 142–148]. Следовательно, модель контекстуальной синонимии настолько устойчива и продуктивна в карело-финском фольклоре, что даже образы, заимствованные из других этнических традиций, функционируют в нем в согласии с

⁴ См. о крылатом коне в русском фольклоре: [Пропп 2005: 142–143].

выработанным внутри заимствующей культуры фольклорным стереотипом.

Подобные контекстуальные синонимы рассматриваются в известной работе Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении». Например, в племени гуичолов функционально тождественными признавались пшеница, олень, *гикули* (священное растение) и перо [Леви-Брюль 1999: 107]. В основе такого отождествления, по Л. Леви-Брюлю, лежал закон мистической партиципации, «согласно которому воспринимаемый объект может быть одновременно самим собой и иным» [ФЭС 1983: 302], а объединяющим началом для всех этих существ и предметов была циркулирующая между ними «крайне важной для племени мистической силы» [Леви-Брюль 1999: 107]. Следовательно, возможность отождествления тех или иных существ и предметов восходит к «пра-логической логике» первобытного мышления, оперирующей иными, чем рациональное мышление, т. е. *иррациональными* приемами и категориями.

Значительно реже используются контекстуальные синонимы с *адъективной (признаковой) семантикой*. Среди них мы выделили синонимы-цветообозначения и синонимы, указывающие на материал, из которого изготовлен тот или иной предмет. Например: «Что там *черное* на море, // Что там *синее* на волнах?» [XVIII; 65–66]; «Что-то на море *чернеет*, // Что-то *синее* на волнах» [XVIII; 61–62]; «Вековечный Вяйнямейнен // Лодку к берегу причалил, // Возле *синего* помоста, // Возле *красного* настила» [XLVIII; 195–196]; «Взял из *куньего* мешочка, // Взял из лапки *белки* желтой, // Летней шкурки *горностая*» [II; 290–292]; «Из *сребра* приносят кружку, // Чашку ставят *золотую*» [IX; 7–8].

Из приведенных примеров хорошо видно, что синонимы с адъективной семантикой в русских переводах «Калевалы» могут передаваться на основе атрибутивных (*синее*), субстантивных (*из сребра*) и процессуальных (*чернеет*) эстетических матриц.

При изучении «Калевалы» Э. Леннрота неизбежным является обращение к фольклорным текстам, поскольку в народных эпических рунах та или иная мифологема или поэтический троп предстают в «чистом» виде, свободном от возможного влияния индивидуальности автора. Привлечение народных текстов карело-финского эпоса в качестве вспомогательного контрольного материала позволяет доказать, что и в фольклорной традиции модель функциональной синонимии используется достаточно активно. Приведем некоторые примеры:

«Шесть годов тогда он плавал, // Лет он семь проплавал в море» [КФНЭ 1994: 11]; «Восемь сватов на смотринах, // Девять сватов брать ходило» [КФНЭ 1994: 11]; «По когтям ударь орлицу, // Отсеки ты грифу пальцы!» [Ладвозерские рунопевцы 2008: 17]. Вполне возможно, что Э. Леннрот, работая над «Калевалой», использовал принцип контекстуальной синонимии несколько утрированно, однако, как мы видим, и в народной поэзии этот принцип играл значительную роль.

С функциональной синонимией не следует смешивать те случаи, когда герой-персонаж характеризуется путем набора *метафорических* эпитетов (случаи ложной контекстуальной синонимии). Так, дочка Похьелы, отказывающаяся выйти замуж за Илмаринена, говорит о себе следующим образом: «Если б курочка пропала, // Заблудился бы гусенок, // Если б красная брусничка – // Вишня-матушка ушла бы, // То исчезла б и кукушка...» [X; 447–451].

Также не имеют отношения к контекстуальной синонимии случаи простого *перечисления*, описывающие положение дел с нетождественными денотатами: «Ильматар, творенья дева, // Подняла из волн колена, // Подняла плечо из моря» [I; 196–198]; «Семь на спинке чашек держит; // Шесть приносит чашек в лапках» [XV; 461–462]; «[Дуб] Закрывает в небе солнце, // Заслоняет месяц ясный» [II; 87–88]. Однако разграничение перечислительных конструкций с разными денотатами и конструкций с функциональной эквивалентностью не всегда является прозрачным и очевидным, тем более в условиях ограниченного, сжатого контекста. Например: «Там скрипел засохший ельник, // Пел сосняк пышновершинный, // Каркали кругом вороны, // Стрекотали там сороки» [XXIII; 755–758]. В подобных случаях приходится констатировать смысловую недифференцированность поэтической структуры, ее потенциальный полисемантизм.

Подводя некоторый предварительный итог описанию функциональных синонимов в языке «Калевалы», подчеркнем, что рассматриваемая модель очень органична для эпоса, пронизанного мифологией, мифологическим мировоззрением. Опираясь на интерпретацию поэтической роли функциональных синонимов в фольклоре, предложенную А. А. Потемной, можно сказать, что посредством использования принципа контекстуальной эквивалентности создается представление о *чудесном* в самом широком смысле этого слова: перед нами не просто образ, а образ мифологический, принадлежащий иррациональному культурно-поэтическому ландшафту (т. е. ряд функциональных синонимов реализует гиперсему «чудесное»). Это обобщенный,

идеализированный образ *иного мира*, в котором обыденные количественные и качественные характеристики несущественны, а физические законы земного бытия действовать не могут. Так, например, *конь-лось* в мифологическом хронотопе «Калевалы» – это и *конь*, и *лось*, и, как это ни парадоксально, *ни одно из этих животных*. Такая интерпретация образов, созданных при помощи модели функциональной синонимии, противоречит привычным рациональным представлениям, однако она вполне согласуется с логикой мифа, не исключающей внутренних противоречий. Как отмечает Я. Э. Голосовкер, миф «произвольно играет временем», «один и тот же предмет может казаться то большим, то меньшим», «один и тот же объект может в одно и то же время находиться в двух местах», а «для того, чтобы перейти с одного места на другое, предмет преодолевает пространство, равное нулю» [Голосовкер 1987: 13]. Кроме того, как мы видим, предмет, будто перевоплощаясь, может преобразовываться *в иной* предмет и в то же время сохранять свою сущностную природу.

В заключение, все же касаясь проблемы *генетических истоков* функциональной синонимии, отметим, что соотнесение этого приема с особенностями первобытного мышления, в котором понятия, абстрактные или конкретные, несмотря на их эмпирическую дифференциацию, находятся в нерасчлененном, синкретичном единстве друг с другом, может быть вполне правомерным. По Л. Леви-Брюлю, первобытное мышление «в первую очередь подчинено закону партиципации. Ориентированное таким образом, оно отнюдь не имеет склонности без всякого основания впадать в противоречия... однако оно не думает о том, чтобы избегать противоречий. Этим и объясняется то обстоятельство, что нам так трудно проследить ход такого мышления» [Леви-Брюль 1999: 64].

Дальнейшие исследования, с привлечением самого широкого корпуса *народных* песен разных жанров, должны разрешить загадку исторических корней рассматриваемого поэтического тропа и выявить его истинное место в художественной системе карело-финского фольклора.

Литература

Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Винокур 1979 – Винокур Т. Г. Синонимия // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 284.

Голосовкер 1987 – Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987.

Евгеньева 1963 – Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л., 1963.

Калевала 1888 – Калевала: Финская народная эпопея. Полный стихотворный перевод, с предисловием и примечаниями Л. П. Бельского. СПб., 1888.

Калевала 1915 – Калевала: Финский народный эпос / Пер. Л. Бельского. Изд. 2-е, исправленное и снабженное примечаниями. Издание М. и С. Сабашниковых. М., 1915.

Калевала 1933 – Калевала: Финский народный эпос / Пер. Л. П. Бельского. Под ред. Д. В. Бубриха. М.; Л., 1933.

Калевала 1940 – Калевала: Карело-финский народный эпос / Пер. Л. П. Бельского. Вступ. ст. и примеч. Е. Г. Кагарова. Петрозаводск, 1940.

Калевала 1949 – Калевала: Карело-финский эпос / Пер. Л. П. Бельского. Под ред. В. Казина и М. Шагинян. М., 1949.

Калевала 1977 – Калевала / Пер. с финского Л. П. Бельского. М., 1977.

Калевала 1984 – Калевала / Пер. с финского Л. П. Бельского. Вступ. ст. и примеч. С. Я. Серова. Л., 1984.

Калевала 1989 – Калевала: Карело-финский народный эпос / Пер. Л. П. Бельского. Вступ. ст. К. В. Чистова. Петрозаводск, 1989.

Калевала 2007 – Калевала: Карело-финский эпос / Пер. Л. П. Бельского. Под ред. М. Шагинян, В. Казина. СПб., 2007.

КФНЭ 1994 – Карело-финский народный эпос / Составление и перевод В. Я. Евсеева. Кн. 1–2. М., 1994.

Ладвозерские рунопевцы 2008 – Ладвозерские рунопевцы. Руны, записанные от Архиппа и Мийхкали Перттуненов / Пер. Э. С. Киуру, А. И. Мишина. Петрозаводск, 2008.

Леви-Брюль 1999 – Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.

Леннрот 1998 – Леннрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Пер. Э. С. Киуру, А. И. Мишина. Петрозаводск, 1998.

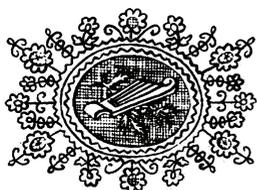
Лихачев 1965 – Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 418–422.

Миронова 2008 – Миронова В. П. Концепт границы между мирами в южнокарельских эпических песнях // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 142–148.

Оссовецкий 1979 – Оссовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 199–252.

Потебня 1968 – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

- Пропп 2005 – Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005.
ФЭС 1983 – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Хурмеваара 1972 – Хурмеваара А. Г. «Калевала» в России: К истории перевода. Петрозаводск, 1972.
Эпические песни 2006 – Эпические песни Южной Карелии / Составление и перевод В. П. Мироновой. Петрозаводск, 2006.

Н. Г. Зайцева
Петрозаводск

**«Калевала» и вепсский язык:
некоторые проблемы семантики и грамматики
в контексте перевода**

Элиас Леннрот, известный фольклорист и языковед, в своих путевых заметках во время поездки по вепсской земле в 1842 г. написал: «...отсутствие письменности и официального языка ускоряет его (*вепсского народа*) гибель, подобно тому, как отсутствие фундамента и угловых камней сказывается на прочности дома. Основу дома составляет *литература*, которая способствует его длительному сохранению, и если она не сумеет предотвратить исчезновение языка, то все же сохранит в себе его прекрасные черты» [Lönnrot 1980: 293]. Отдельные языки так и исчезли с лица земли, не оставив литератур. Причем исследователи литератур малых уральских народов отмечали, что и вепсы в отношении создания литературы практически безнадежны [см., например: Домокош 1993]. В краткий период заложения основ вепсского письменного языка, который был осуществлен в 1930-е гг., литература у вепсского народа не успела появиться. Однако после возрождения вепсской письменности в 1989 г. [см. Вепсы 2008: 115–116] начали появляться первые литературные произведения, которые все более признаются и находят своих ценителей, сторонников и исследователей [Спиридонова 2000; Mišin 2004] как среди представителей вепсского народа, так и в писательской среде. Стала возникать и переводная литература, хотя известные образцы